

Вздрыгнув, она очнулась и осторожно произнесла:

— Это трудно сказать наверняка. Возможно, они все считают себя в выигрышной позиции. Но не исключено, что его противник подкинул что-то, чтобы они сражались, а сам остался в тени, чтобы пожать плоды. Он сам, возможно, хочет что-то получить от этого «рыбака». Пока всё не решится, никто не может быть уверен, что не оказался в ловушке.

Произнеся это, наложница с тревогой посмотрела в сторону правителя, облачённого в жёлтые одежды, ожидая его ответа.

Император, услышав её слова, рассмеялся, его душа и тело исполнились радости. Он не скупился на похвалу.

— Ты действительно моя любимая наложница. Твои мысли отличаются от обычных, они полны оригинальности, и мне это нравится. — С этими словами он снова взял наложницу за руку, и они вместе погрузились в сладкий сон.

Обычная ночь, но, кажется, никто не мог уснуть, все лежали в тревожной бессоннице.

— Я виновата.

Холодный голос Тан Линъи раздался в темноте, звуча с оттенком соблазна.

— Впервые я задаюсь вопросом, почему я родилась в семье, где так строго соблюдаются традиции и моральные устои, и почему я должна нести на себе бремя силы и воспитания. До сих пор я не смогла постичь своё сердце. Даже перед тобой я не решаюсь приблизиться...

И уж тем более не могу спросить, что ты на самом деле думаешь.

Тан Линъи услышала, как дыхание Туаньтуань сбилось, и мягко улыбнулась, тихо сказав:

— Туаньтуань, ты дышишь неровно.

Но разве она сама не такая же?

Чжэн Цзюньсинь протестующе прорычала что-то невнятное.

— Прости, Туаньтуань. Дай мне закончить, а потом я тебя отпущу. Иначе сегодня ночью мы не сможем нормально выспаться.

— Туаньтуань, я не только слепая и несчастная, но и связана с опасными делами. Если я возьму тебя с собой, боюсь, что это может причинить тебе вред.

Чжэн Цзюньсинь снова протестующе прорычала, её глаза гневно уставились на Тан Линъи.

— Я давно догадывалась, что ты захочешь пойти со мной. Ты хочешь быть рядом, несмотря на опасность. — Тан Линъи опустила голову, чувствуя, что они слишком близко, но почему-то ей не хотелось отдаляться.

Она медленно, слово за словом, говорила ей, боясь, что та не сможет услышать её из-за своего волнения.

Она сказала:

— Я всё понимаю, поэтому и не намерена тебя останавливать.

Чжэн Цзюньсинь успокоилась, её сопротивление ослабло.

Лунный свет за окном был ярок, освещая их обоих, делая их образы чистыми и неземными.

Ресницы Тан Линъи дрогнули, коснувшись таких же густых ресниц Чжэн Цзюньсинь. В её сердце бушевали безумные мысли, которые она не могла подавить.

На мгновение они обе замерли.

Прошло много времени, прежде чем Тан Линъи, словно сдаваясь, пошевелилась.

Сдерживая свои чувства, она отпустила её и разблокировала её точки. Как только она отпустила, Чжэн Цзюньсинь тут же схватила её за плечи, спрашивая:

— Правда, ты позволишь мне пойти с тобой?

Тан Линъи снова легла на подушку, её волосы уже почти высохли. Она кивнула, её голос был тёплым, но твёрдым.

— Через несколько дней будет шестое число. Я планирую поехать в столицу, чтобы положить конец своим прошлым делам. Заодно разузнаю о твоей семье.

— А-Лин, ты едешь мстить? Возьми меня с собой, я тоже хочу посмотреть, кто это сделал с твоими глазами! Если я не ослеплю её, моя ненависть не утихнет.

Она продолжила:

— А о моей семье есть новости?

— В каком-то смысле, да. Сеть, которую я плела целый год, пора затянуть. Да, есть новости. — Тан Линъи прижала руку Чжэн Цзюньсинь, уложив её в постель и аккуратно положив на живот, уговаривая её спать.

— Ладно, уже поздно, волосы высохли, давай спать! Завтра нужно будет поговорить с твоей сестрой.

Но А-Лин...

— Спи. Даже если ты станешь глупой, глупенькая Туаньтуань всё равно будет очень милой.

Чжэн Цзюньсинь вдруг разозлилась, упрямо сказав:

— Ты хочешь сказать, что сейчас я не милая?

— Милая! Туаньтуань всегда милая. — Тан Линъи сказала это наполовину серьёзно, наполовину небрежно.

Чжэн Цзюньсинь почувствовала, что её слова звучали как утешение, но не придала этому значения, услышав то, что хотела, и с радостью уснула.

Всего через несколько минут под одеялом раздались тихие, ровные звуки дыхания. Тан Линъи поправила одеяло, аккуратно сложила уголки и сама медленно уснула.

Сон прошёл без сновидений.

На следующее утро Чжэн Цзюньсинь снова стала наивной и немного глуповатой. Проснувшись, она всё ещё была сонной и смотрела на Тан Линъи с её неземной красотой, спрашивая, как она оказалась здесь.

— Разве я не спала в своей постели? Как я попала к А-Лин?

Тан Линъи осторожно спросила её в ответ:

— Ты помнишь, что произошло вчера вечером?

Чжэн Цзюньсинь внимательно подумала, а потом покачала головой.

— Не помню, разве я не спала всю ночь?

Тан Линъи поняла, что она забыла всё, что произошло в период её временного просветления. Она погладила её по голове, думая, что так даже лучше.

Позже Чжэн Цзюньсинь снова спросила, почему они подрались. Тан Линъи честно рассказала ей, что Лянь Чжиюй собирается уйти.

Услышав это, она вскочила с кровати и побежала к своей сестре.

Прошло несколько спокойных дней. Настал день, когда Лянь Чжиюй должна была уйти. В этот день они, как обычно, поели и поднялись из деревни.

Недавно в деревне одна семья родила близнецов, мальчика и девочку, и пригласила их на праздник. Вся компания напилась до состояния лёгкого опьянения. У Тан Линъи были проблемы с глазами, и она не могла пить. Чжэн Цзюньсинь была тем, кого все считали непригодным для алкоголя.

Поэтому им пришлось поддерживать Лянь Чжиюй, которая шаталась, пока они возвращались в горную усадьбу.

— Кстати, я немного проголодалась, можешь принести мне что-нибудь поесть? — Лянь Чжиюй, опираясь на опьянение, сказала Чжэн Цзюньсинь.

— Угу, ни проблем, подожди, я сейчас принесу! А-Лин, ты тоже подожди здесь.

— Хорошо.

Между ними возникло напряжение, и Хунмэй, увидев это, тоже ушла.

— Ты любишь Чжэн Цзюньсинь?

Как только Чжэн Цзюньсинь ушла, Лянь Чжиюй вернулась к нормальному состоянию и прямо спросила.

— ...

— Если у вас есть что сказать, говорите прямо. — Тан Линъи указала на то, что её слова скрывают что-то, и тоже ответила прямо.

— Хм, так торопишься. На самом деле, ничего особенного. Я жила с ней довольно долго, она выглядит молодой, но ей уже 21 год, а тебе, наверное, 19? Ты должна называть её старшей сестрой.

— ...

Тан Линъи слегка расширила глаза.

Лянь Чжуйюй, увидев её удивлённое выражение, не удивилась и засмеялась.

«Знала, что ты об этом не подумала, просчиталась. Со мной тебе не справиться!»

Лянь Чжуйюй изо всех сил старалась сохранить спокойствие и сказала:

— Когда я впервые встретила Цзюньсинь, она стояла там, глупая, и позволяла другим бить себя, не сопротивляясь. Тогда я попросила Матушку Чунь перевести её ко мне, и обнаружила её проблему. Я считаю её своей младшей сестрой, всегда защищала её и учила её, как вести себя в обществе. Она всё хорошо запомнила.

Тан Линъи серьёзно поблагодарила её:

— Спасибо.

Лянь Чжуйюй махнула рукой:

— Мне не нужна твоя благодарность, Цзюньсинь уже сказала спасибо, и вы ведь ещё ничего не связали, верно?

В её голосе звучала насмешка, и если бы кто-то другой увидел её улыбку, он бы, наверное, снова попал под её чары, но, к сожалению, Тан Линъи была слепой.

— ...

— Ждать, пока эта девчонка Цзюньсинь поймёт, что к чему, будет сложно, так что удачи. — Она отошла на некоторое расстояние, а потом обернулась и сказала, её голос стал холодным:

— Если она влюбится в тебя, надеюсь, ты будешь с ней хорошо обращаться. Она очень преданная, если уж влюбится. Иначе, даже если я буду за тысячи миль, я вернусь и убью тебя. Не недооценивай человека, на чьих руках кровь.

Тан Линъи сжала кулаки, не колеблясь ни секунды.

— Этого не может быть, я не могу не быть с ней хорошей.

В этот момент Чжэн Цзюньсинь подбежала к ним, махая рукой:

— Еда готова!

Лянь Чжуйюй обернулась, мгновенно изменив своё холодное отношение на тёплое и дружелюбное. Она вышла наружу, протяжно сказав:

— Я пойду прогуляюсь, не буду есть в усадьбе. Вы ешьте спокойно.

С этими словами она ушла, не оглядываясь.

Автор хочет сказать:

Лянь Чжиюй: Смотреть, как она давится, — это счастье.

<http://bllate.org/book/16867/1554329>